

ОГО НЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣе
 общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
 ПРИЛОЖЕНІЕ
 къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 41

Пятница, 29 октября (11 ноября) 1904 г.

№ 41

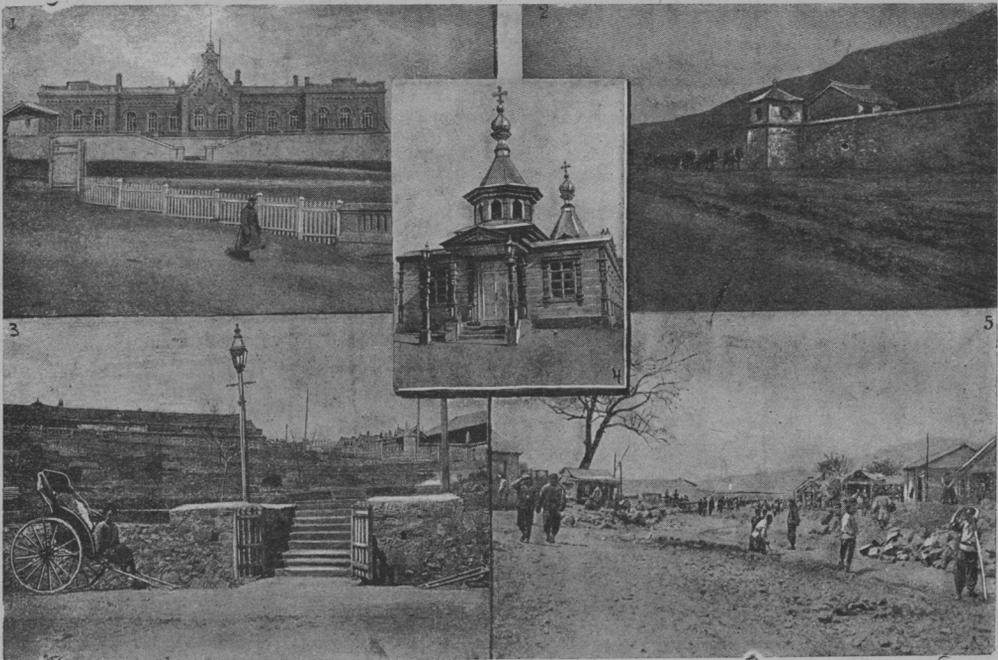
Капитанъ 2-го ранга
 А. В. Лебедевъ,
 убитый на Зарудутномъ ре. утѣ
 9-го августа.

Мичманъ Б. Т. Кон-
 драчевъ,
 убитый на крейсери „Диана“.

Подпоруч. 14-го вост.-сиб.
 стрѣлковаго полка
 Н. Ф. Евстифьевъ,
 раненый во время вылазки.

Мичманъ
 Б. Орловъ,
 раненый на передо-
 выхъ позиціяхъ.

Мичманъ
 А. Я. Рклицкий,
 раненый у Порты-
 Артура.

Портъ-Артуръ.

1. Мущинская школа въ Портъ-Артурѣ. 2. Окрестности Портъ-Артуръ и часть городской стѣны. 3. Бульваръ въ Портъ-Артурѣ, на которомъ, по приказанію генерала-адъютанта Стесселя, ежедневно играетъ полковалъ музыка. 4. Портъ-артурская православная церковь. 5. Старый Портъ-Артуръ (по дорогѣ къ новому китайскъ му городу).

Всѣ снимки съ новѣйшихъ фотографій, присланныхъ изъ Портъ-Артуръ и доставленныхъ нашими корреспондентами.

Воспоминания и мемуары.

Памяти М. А. Максимовича. — Изъ прошлаго нашихъ университетовъ. — Магистръ и профессоръ ректоръ. — Книга въ бѣло-к-жанномъ переплетѣ. — Наука и контрафакция. — Ботаника и словесность. — История бороды и усовъ. — Культа Русь. — Блудносный образъ. — Новое время и новая физика. — Голыные и г. пидели. — Регламентация туалета. — Привилегія военного сословія. — Раскрѣпощеніе.

I.

Въ сентябрѣ исполнилось столѣтіе со дня рожденія вѣстнаго ученаго—Михаила Александровича Максимовича.

Редакція „Кіевской Старины“ посвятила послѣднюю книгу журнала памяти „славнаго земляка“, „своими учено-литературными трудами, своимъ словомъ и волею дѣлами со служиваго большую службу нашей родинѣ“.

Ботаникъ по своей научной специальности, профессоръ по кафедрѣ словесности въ кіевскомъ университетѣ, любитель сѣдой украинской старины, оставившій послѣ себя множество цѣнныхъ историческихъ и этнографическихъ работъ по изученію Малороссіи, Максимовичъ представляеть рѣдкій для своего времени типъ русскаго восторженнаго образованнаго человѣка.

Время для науки и ея служителей было тяжеле. Наука едва терпѣлась; реакціонное теченіе конца александровской и николаевской эпохъ стремилось загасить огонь научной мысли. Тогдашніе университеты мѣше всего походили на храмы науки, — равны на тѣ заросшныя храмы, изъ которыхъ жрецы бѣжали, и гдѣ на жертвенникахъ догоралъ послѣдній огонь, поддерживаемый неумляемыми руками жрецовъ-чиновниковъ, по указкѣ свыше „разработывавшихъ“ „научныя истины“.

Въ эту печальную эпоху, „удостоенный за отличныя успѣхи и пріятное поведеніе степени кандидата“ (въ 1823 г.) физико-математическаго отдѣленія, Максимовичъ началъ свою научную карьеру. Начинать съ благоговѣніемъ и трепетомъ, мечтая о широкомъ научномъ пути, о профессурѣ, да которую онъ смотрѣлъ, какъ на свое назначеніе, какъ на любимую мечту, на подвѣтъ жизни.

Такимъ ученымъ не было мѣста въ корпорации университетскихъ чиновниковъ, она была ненужна среди ремесленниковъ научнаго цеха.

Максимовичу пришлось въ этомъ убедиться на дѣлѣ. Утвержденный адъюнктомъ, но безъ производства, однако, жалованья, онъ неустанно работалъ, „какъ украинскій воль на подножномъ корму“, и десять лѣтъ тянулъ дямку адъюнкта—помощника бездарнаго профессора ботаники Двугубскаго. Послѣдній, знаменитый тѣмъ, что перевелъ на русскій языкъ ботанику Вильдека и украсилъ переводъ своимъ именованіемъ, какъ автора, звалъ на ученаго всю работу. Когда же Максимовичъ дерзнулъ окончить и начекачать 1-й томъ своихъ „Основаній ботаники“—профессоръ-контрафакторъ остался крайне недоволенъ.

Принимая экземпляръ „въ нарядномъ бѣло-гожакомъ переплетѣ“ отъ молодого автора магистра, Двугубскій произнесъ слѣдующее пріветствіе:

„Равнованъ еше писать ботанику!“— „Время всѣмъ и всякой вещи полъ ибѣсѣмъ, Иванъ Алексѣевичъ!“—сказалъ я и ушелъ отъ него“. „Мнѣ, расказываетъ Максимовичъ, грустно стало поведеніе мое и особенно потому, что я не могъ дѣйствовать для науки мой изъ-за ректоръ-профессора моего, заслонившаго собою мѣя путь, какъ китайское стѣною. — Стану-ли говорить объ обученіи сада.

„На кой чортъ, говорить оя, вѣтъ денегъ, — садъ (утрещенный Петромъ Великимъ) надо продать; для показанія студентамъ растений довольно и садика на университетскомъ дворѣ, или при обсерваторіи...“

Слѣдующая сцена очень характерна для воспроизведенія правды времени вообще и упомянутаго ученаго профессора ботаники въ частности.

„Въ половинѣ декабря того года пріѣхалъ въ Москву министръ просвѣщенія князь Левель, и началъ посѣщать лекціи. Вотъ, думаю, случай благоприятный; и подготовилъ лекцію добрую... Входитъ министръ; ожидая, что ему представятъ меня; но обо мнѣ и помину нѣтъ: мой ректоръ-профессоръ самъ вступаетъ на кафедру, съ охапкою своихъ „Изображеній растений...“ Не мастеръ на лекціи былъ онъ и въ физикѣ, которая тянулася у него усашительно валю; а тутъ, не читавшій ботаники, въ присутствіи министра ошъ переконфузился, и вмѣсто лекціи сталъ онъ студентамъ мошъ, привыкшихъ къ живымъ растениямъ, экзаменоватъ по своимъ рисункамъ; отвѣты были невпопадъ, не лучше вопросовъ... Министръ черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ аудиторіи. „Только что началъ я, — пишетъ Максимовичъ, — какъ возвращаюсь мой въ „великодушный“ ректоръ, и до того забылся, что началъ мѣя при студентахъ говорить: „Чему вы ихъ учите! они ничего не знаютъ у васъ! читайте-ка, я послушаю, какъ вы преподаете!“

II.

Въ такой обстановкѣ прошло болѣе десяти лѣтъ, пока не открылась свободная кафедра. Максимовичъ занялъ ее, но это было уже не прежній жизнерадостный юноша. Онъ усталъ и отъ научныхъ занятій, и отъ нерадужія университетской жизни.

Семейныя обстоятельства гнали его прочь изъ Москвы, на родину. Тамъ, въ Кіевѣ, какъ разъ въ это время готовились къ открытію университета. Но здѣсь получился курьезъ, впрочемъ, довольно обычный при тогдашнихъ взглядахъ на науку. Московскому профессору ботаники предложили въ Кіевѣ кафедру... словесности и деканство философскаго факультета.

Правда, за Максимовичемъ еще было нѣчто, дающее право на новое амшадъ. Относительно его любви къ литературѣ, занятій славетности и изданія „Малороссійскихъ пѣсенъ“, московскіе профессора не разъ ставили ему вопросъ: „Да, объясните намъ, какое различіе между ученымъ и литераторомъ?“

Официальная научная дѣятельность Максимовича продолжалась, однако, въ Кіевѣ недолго.

Здоровье было расстроено, и въ тридцать пять лѣтъ онъ выгляделъ старикомъ: съ трудомъ передвигалъ ноги, глаза отказывались служить и, вмѣсто очковъ, приходилось пріобрѣтать къ увеличительному стеклу. Нервная система отъ непосильныхъ занятій была совсѣмъ надорвана. Тридцатипятилѣтній ученый съ пенсіей въ „762 рубля 45 копѣекъ серебромъ“ въ годъ долженъ былъ уйти на покой и сдѣлаться „не читающимъ и не пишущимъ сельянникомъ-отшельникомъ, отрешившимся отъ всякаго врачества и отложившимъ всякое попеченіе жгетельское“.

На покой онъ занялся разработкой историко-литературныхъ памятниковъ Украйны и явился „съ ученымъ орудіемъ въ рукахъ“ борюмъ за ея историческую самобытность. „Испытуя природу“, работая надъ своими историческими и этнографическими трудами, онъ не забывалъ о словесности. Одинъ за другимъ появлялись сборники Максимовича малороссійскихъ пѣсенъ, которыми такъ вос-

хищались и Гоголь, и Пушкинъ; одинъ за другимъ выходилъ въ печать его сочиненія по естественнымъ наукамъ и исторіи. И эта кипучая дѣятельность полу-большаго человѣка, стояшаго вдали отъ официальныхъ очаговъ науки, тѣмъ поразительнѣе, что самые эти очаги едва-едва тѣли, поддерживаемые жрецами, дослуживающими службу, въ большинствѣ случаевъ, изъ-за мундира и пенсії.

III.

Исторію бороды и усовъ передаетъ въ сводномъ очеркѣ г. Фаресовъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Исторія длинная, но любопытная.

До X вѣка не существовало на Русь „бородогоничества“. Обычай не былъ возведенъ въ религіозный культъ. Въ Византіи, откуда много позаимствовалась Русь, наоборотъ, подстриженные волосы считались признакомъ простоты, а носеніе длинныхъ волосъ находили предосудительнымъ. Борьба восточной и западной церкви вызвала схоластическую полеміку изъ-за носенія волосъ. Востокъ явился бороборникомъ бороды, Западъ стоялъ за брадобритіе. Догматизация бороды была на Русь предписана сверху духовенствомъ и, принявъ духовный строй жизни отъ грековъ, Русь ревниво его поддерживала. Одежда, стрижка волосъ, носеніе бороды становилась строго регламентированными по образу греческому. Мало-по-малу, съ теченіемъ времени, борода принимала чисто-национальное отлічіе; бородачи гордятся своимъ видомъ и питаютъ открытое и глубокое презрѣніе ко всему, что носитъ „блудносный образъ“, т. е., другими словами, ко всему иноземному.

Въ XVI вѣкѣ культъ бороды уже стоитъ высоко въ сознаніи массы. Такъ, когда царь Василій Ивановичъ, женившись на Еленѣ Глинской, полюбилъ разстригъ съ национальнымъ атрибутомъ и сблизилъ себя бороду, то бояре, во всемъ слѣдовавшіе за верхомъ, охотно приняли „блудносный образъ“. Но духовенство—оплотъ древнихъ традицій Русь—водило дѣлаю бую. Вылъ собранъ церковный соборъ, и написано соборное посланіе противъ брадобритія. „Безбородому невозможно въ нарестіе небесное влпнѣ“, говоритъ „Стоглавъ“. „Аще кто браду брегѣтъ и престаится тако, не достоинъ надъ нимъ служить, ни сокоукіята по немъ лѣтъ, ни прощривы, ни свѣщы по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да притѣтся: отъ еретикъ бо се навькоша“.

„Большая борода и толстое брюхо“, — по словамъ Оларіа, — типъ красоты московскихъ бояръ. „Иные бояре, брады свои уцѣля, ничего не отбѣзуютъ, потому что даръ жалуютъ многимъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ“.

При Алексѣѣ Михайловичѣ гоненіе на бритыхъ мужчинъ достигло высшей точки. Указъ 1765 года ясно говоритъ, чтобы русская аристократія „иноземныхъ и иныхъ изычавъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платя, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ тоже носить не велѣли“.

Но вліаніе Запада съ каждымъ годомъ сильнѣе вторгалось въ замкнутую русскую жизнь. „Итти назадъ было уже поздно, — пишетъ Милоуевъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“. — Старый бытъ былъ уже разрушенъ. Только и оставалось его сдѣлать предметомъ націоналистическаго культа и отвлеченной идеализаціи“.

Старина дѣляется еше за сохраненіе послѣднихъ остатковъ, разрушаемыхъ духомъ новизны.

Противъ брадобритцевъ съ грознымъ сло-

вомъ выступаетъ самъ патріархъ Іоакимъ, свидѣтельствуя, что „елинскій, блудническій обычай, древле многими возбраняемый, во двѣхъ царя Алексѣя Михайловича всеосвершено искорененной, пакы нынѣ иновѣстностию начала обраъ, отъ Бога мужу дарованъ, губити“.

Его премирникъ—Адрианъ—посвящаетъ свое окружное посланіе бородамъ и пишетъ:

„Богъ прелоблѣгъ мудростью своею создалъ человека по образу Своему и по подобію, украсивъ его вѣнчаніемъ всею добротой... Мужа и жену сотвори, положивъ разство видно между ними, яко знаменіе нѣкое: мужу убо благоубіе, яко началнику—браду израсти, жеждѣ же, яко несовершеннѣй, во подначальнѣй оного благоубіи не даде, яко да буетъ подчиненна, зрѣна мужа своего красоту, себя же лишому той красотѣ и совершенству, да будетъ смиренна всегда и покорна.

„Воины всякаго чина, начальствующіе и начальствуемые, отрните отъ себя еретическій обычай брить и подстригать борода. Богъ возбранилъ то, и святые апостолы воспретили, глаголю: не подобаетъ брады владостъ расѣвывать и образъ мужа извѣщать: сіе бо жеманъ лѣно сотвори Богъ. Только Іудѣи—отступники, Иракліи—еретики, Константиинъ—иконообразцы, Олгердъ—идолослужители, Селимъ—Амуратъ—бесерменныи заставили своихъ подданныхъ брить и остригать борода, даже до кожи. Самъ Спаситель нашъ Христосъ былъ съ бороудою. Подобно Ему, свят. е апостолы, великіе пророки, преподобные отцы, благочестивые цари, Константинъ Великій, Θεодосій Великій, Владиміръ Великій, всѣ имѣли борода, хранили ее, какъ Богомъ дарованное украшеніе, съ нею до сихъ поръ видимы въ иконономъ писаніи, всѣ при общемъ воскресеніи возстанутъ, какъ создалъ ихъ Господь.

„О прѣвезаконники! ужели вы считаете красотою брить борода и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не человекъ, а коты и пси. Ужели хотите удобостіи скопаты бесмысленными, или смѣшаты съ еретиками, которые въ такую глубуну пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригутъ борода и усы и отъ того видятся подобно проицамъ или обезьянамъ? Прежде остригали борода только преступникамъ, только въ безчестіе и наказаніе. Взгляните на икону Страшнаго Суда: не видите ли одесную Христа праведныхъ, украшенныхъ брадою, и опую—бесерменовъ, лю еровъ, поиковъ а другихъ брадобритниковъ, съ одними усамы, подобно котамъ и псамъ? Вотъ куда ведетъ васъ мнимая красота ваша!

„Брадобритіе не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертнѣй: проклято бо сіе блудозрѣвливное неистовство отъ прежде бывшихъ святѣйшихъ патріарховъ, котормы и мы согласуемъ, тоже установляя и подтверждая.

„Люди православные! не пріемлете сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтесь имъ, какъ нѣвою мерзостью: ибо не раскаявшимъ брадобритцамъ, по опредѣленію соборному, входить въ церкви возбраненъ, и причастія св. Тайны они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ, не раскаявъ, не подобаетъ надъ тѣмъ быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминаенію. И живъ сѣи, противляясь закону Божию, гдѣ стаетъ оъ на Страшномъ Судѣ: съ праведными, украшенными брадою, или съ еретиками брадобритцами,—сами расудите“.

IV.

Но старинъ не задержатъ ростковъ новыи Вѣсто былого культа борода, поклоненію ей, съ высоты престога ясно раздаются слова: „Ворода—лишняя тягота и похѣла дѣлу“.

Такъ говоритъ царь Петръ. Патріархъ могъ искать поддержки въ консервативныхъ слояхъ простонародія, — царь находилъ опору въ передовыхъ людяхъ, начинающихъ уже подвергать критикѣ домашнюю и государственную жизнь Россіи.

Рядъ указовъ Петра—указовъ часто жестокихъ, объясняющихся и жестокостію времени, и противодѣйствіемъ начинаемъ царя—посвященъ той-же самой бороде. Пржеи культа Руси предается полной оудѣ. За право ношения борода русскіе люди должны теперь откупаться деньгами и получать особые „бородовые знаки“; съ крестьянъ взимается по двѣ деньги за каждый приходъ борода въ городъ „за безпашинно крестьянъ въ городъ и за городъ велію отнюдь не пропускать“. Только „поны и дьяконы“ оставлены на старомъ положеніи; „за безпашинно“ ношеніе борода грозила каторга и плетъ. Вородачамъ назначается платье особаго окроя, а полиціи предписывается предпринимать олаву за неплатежъ денегъ бородачамъ.

Русское платье изволяется изъ обихода и право его ношения является источникомъ дохода казны. Такъ идетъ дѣло вплоть до воцаренія Екатерины II, когда „интересъ правительствъ къ туалету частныхъ лицъ ослабляется“.

При Павлѣ I вновь заводится усиленная регламентация частнаго костюма по опредѣленному шаблону.

Мало по малу брадобритіе такъ вошло въ обиходъ русской жизни, что, при Александрѣ I, оно является уже признакомъ хорошаго тона. Въ Николаевское царствованіе министръ внутреннихъ дѣлъ Д. И. Влудовъ въ 1837 году сообщилъ гражданскимъ губернаторамъ:

„Г. министръ императорскаго двора сообщилъ мнѣ дѣлу надлежащаго исполненія, что, по случаю дошедшаго до государя императора свѣдѣнія, что многие изъ г.г. состоящихъ въ званіи камергеровъ и камеръ—юнкеровъ позволяютъ себѣ носить усы, кои присвоены только военнымъ, и борода въ видѣ жидовскихъ, его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволяе: строжайше воспретитъ, дабы никто изъ имѣющихъ придворнаго званія не осмѣливался носить ни усы, ни борода“.

То же самое было подтверждено и по другимъ вѣдомствамъ, причѣмъ начальникъ главнаго морского штаба приказывалъ по повелѣнію Его Величества „не допускать никакихъ странностей и въ усахъ и въ бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усамы, то также не ниже рта, выбривая ихъ на цѣкажъ противъ онаго“.

Усы и бакенбарды дѣлаются привилегіею одного лишь военнаго сословія: чиновникамъ носить ихъ было строго воспрещено.

Ослабленіе „гардеробнаго законодательства“ начинается лишь съ начала освободительнаго царствованія. Были отменены свѣдѣніальные прежние законы. Разрѣшено въ 1875 г. носить борода во всѣхъ войскахъ, кромѣ гвардіи и гренадеръ и жандармовъ.

Въ это время чиновники вели безконечную борьбу съ губернаторами изъ-за права ношения борода и только по указу Императора Александра III предоставлено безпрепятственное ношеніе борода въ тѣмъ служащимъ по ихъ желанію, и велію нижнимъ чинамъ только предъ борода не брить. Наконецъ, приказъ, по военному вѣдомству намѣ царствующаго Государя распространяя такое же право и на юнкеровъ, котормы предоставлено носить ою, борода и бакенбарды.

И. И. Носковъ.

Польвка назадъ.

(Изъ воспоминаній севастопольцевъ).

Въ нынѣшнюю войну наблюдаются довольно часто повторяющіеся случаи сумасшествия какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Доктора объясняютъ это теперешнимъ нервы и мѣ въ вѣкомъ.

Первы людей не въ состояніи выносить ужасныхъ кровавыхъ сценъ. Недавно, въ бытность мою въ Севастополь, мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу съ участникомъ крымской кампаніи полковникомъ Е. И. Сульч—мъ.

— Бывали случаи сумасшествия въ наше время, во время войны?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, не бывали. Первы у людей грѣхъ были, закалиеніе. Мы, вправду сказать, и не подозревали о какихъ-то тамъ нервкахъ.

Разъ только былъ такой случай. Мы съ отрядомъ стояли подъ Суликомъ передъ турецкимъ корпусомъ, который рѣшено было атаковать на другой день, несмотря на то, что оны превосходили нашъ отрядъ болѣе чѣмъ въ пять разъ. Была объявлена уже диспозиція, вдругъ къ началнику отряда князю А—ву является одинъ изъ ротныхъ командировъ, капитанъ Аг—нъ.

Князь принявъ капитана.

— Что вамъ угодно? — спрашиваетъ его.

— Позвольте подать на завтра рапортъ о болѣзни, — отвѣчаетъ капитанъ.

— Какъ? что? — даже не повѣрилъ своимъ ушамъ князь.

— Рапортъ о болѣзни на завтрашнее число, повторилъ капитанъ.

— Да вѣдь завтра-же сраженіе! Мы атакуемъ турокъ, а вы рапортъ о болѣзни!

— Потому — то я и прошу позволенія подать рапортъ о болѣзни, что завтра сраженіе.

— Да что вы—въ умѣ или нѣтъ?

Необходимо замѣтить, что капитанъ Аг—нъ былъ сложены истымъ геркулесомъ и былъ замѣчательнымъ строенкомъ и служистомъ. Рота его считалась самой лучшей по выправкѣ во всемъ полку.

— Я васъ командованія лишу и подѣ судъ отдамъ! — вскричалъ было князь. Передъ сраженіемъ рапортъ о болѣзни! На что это положе!

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше сятельство, а только я, какъ честный человекъ, сечуь своимъ долгомъ заявить вамъ, чтобы вы изволили мнѣ подать рапортъ о болѣзни.

— Что-же вы трусите — что ли?

— Нѣтъ, я не трусѣ. Но только я самъ себя знаю хорошо и увѣренъ, что видъ и обстановка сраженія подѣбствуютъ на меня такъ съверно, что я только наутаю и испорчу вамъ все дѣло. Моя рота, вы сами знаете, лучшаа по выправкѣ во всемъ полку, и она покажетъ свои качества въ бою завтра, но только не подѣ моей командой. Пусть только кто-нибудь другой командуетъ. А е, кромѣ вреда ротѣ и всему дѣлу, ничего не прѣнесу. Говорю это вамъ какъ честный человекъ и въ интересахъ дѣла, а тамъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Князь Аг—нъ въ подумалъ-подумалъ и велѣлъ подать рапортъ о болѣзни, а командование поручилъ субальтерн-офицеру той-же роты.

На утро произошелъ бой, и турецкій отрядъ былъ разбитъ на-годову. Всѣ войска наши выказали себя молодцами, а особенно рота капитана Аг—на, подавашаго рапортъ о болѣзни. Императоръ Николай Павловичъ, какъ только было получено донесеніе о боѣ и побѣдѣ, сейчасъ же всѣмъ ротнымъ командирамъ Владиміра съ мечами. Вѣсто капитана,

Подполковник 139-го пехотного моршанскаго полка
В. Ф. Баудеръ,
контузенный въ бою у Ляояна.

Ая—на, получил орденъ, конечно, поручикъ, замѣнявшій его въ сраженіи. Но капитанъ никогда и не тужилъ объ этомъ, а всегда утверждалъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, что отказался, такъ какъ не могъ выносить картины боя. Понятно, что онъ былъ нервный человекъ и, быть можетъ, сошелъ бы съ ума, если бы командовалъ въ сраженіи. А такъ случаетъ сумасшествия у насъ и не слышано было.

**

— Жестокое время и жестокие нравы были — продолжалъ Сульч—ій послѣ нѣкотораго раздумья, — бывало, во время мирной службы нервы такъ закалялись при разныхъ экзекуціяхъ, что трудно потомъ сойти съ ума во время боя. Возьмите хотя только однѣ розги, не

говоря уже про „сквозь строй“ или, какъ у насъ обыкновенно называли, „зеленую улицу“. Развѣ это легко дѣйствовало на нервы? Однако, сначала-то, правда, какъ-то угнетающе дѣйствовали эти зрѣлища, а потомъ ничего. Обтерпѣлись. Драли каждый день. Трудно сказать, сколько выходило у насъ только однихъ розогъ. Вывало, на походѣ такъ особая повозка за отрядомъ и ѣдетъ, въ которой только однѣ розги. Не такъ о патронахъ заботились, какъ о розгахъ: послѣднія были важнѣе, по тогдашнему взгляду. Вышее начальство требовало отъ насъ, чтобы мы драли своихъ подчиненныхъ какъ сидоровыхъ козъ, иногда даже за самыя пустяки. У меня самого развѣ былъ такой случай, который могъ окончиться для меня самого очень печально. Было это на Кавказѣ. Я въ это время, будучи поручикомъ,

Полковникъ Тринфельдъ,
раненный въ бою у Тайчжоу.

Подполковникъ 36-го пехотнаго орловскаго полка
Л. Л. Матвѣевичъ-Матвѣевичъ,
убитый въ бою у Ляояна.

командовалъ уже ротой. На одномъ привалѣ мой солдатъ Петрученко выпилъ лишнее и охмѣлѣлъ такъ, что идти не могъ. Пришлось положить его въ фуру и везти. Батальоннымъ у насъ былъ подполковникъ Ю—ль, жестокой и требовательный человекъ. Сказалъ-ли ему кто, или онъ самъ случайно увидѣлъ солдата въ фурѣ, — я этого не знаю; но только онъ подъѣзжаетъ ко мнѣ.

— Поручикъ, — обращается онъ, — почему у васъ Петрученко въ фурѣ?

— Нездоровъ, идти не можетъ.

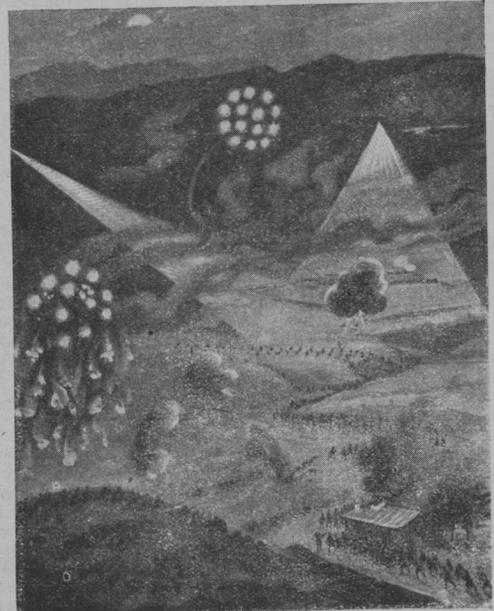
— Ахъ, нездоровъ?! Ну, если у васъ будутъ такіе нездоровые, такъ это намъ очень много фуръ надобно. На первомъ же привалѣ дайте ему двѣсти лозановъ.

— Слушаю.

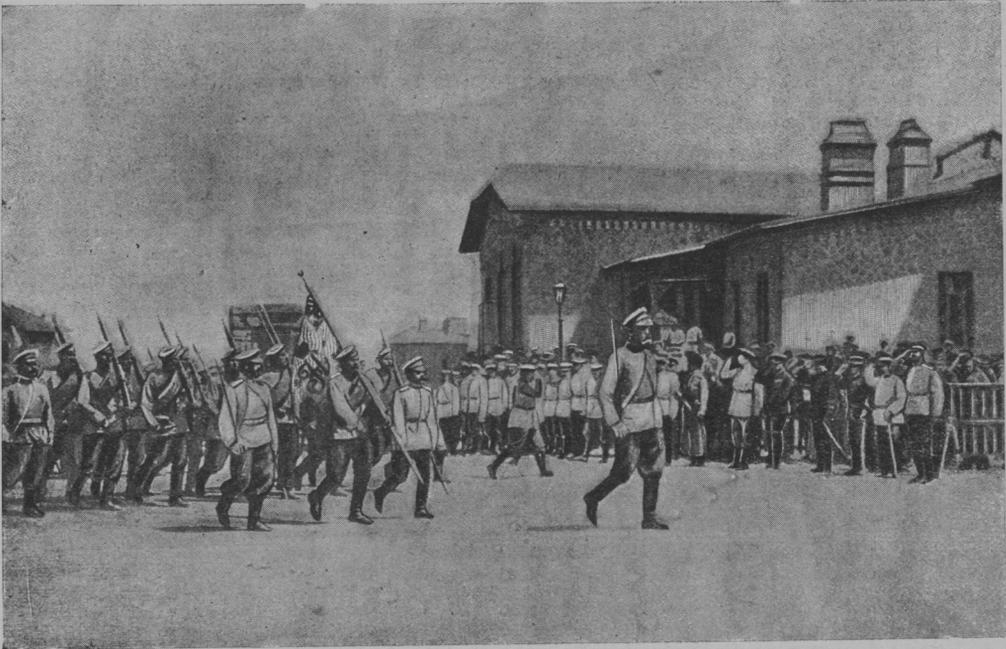

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ раздаетъ георгіевскіе кресты отличившимся въ бояхъ у Ляояна.

Съ наброска корреспондента, авторитетна „Виржевскихъ Вѣдомостей“.

Пиротехническіе способы освѣщенія неприятельскихъ позицій. Русскіе у Портъ-Артура съ успѣхомъ пользуются особыми снарядами, которые, разрываясь въ воздухѣ надъ неприятельской позиціей, освѣщаютъ ее, точно днемъ. Одновременно, какъ это и видно на рисункѣ, дѣйствуютъ и сильныя прожекторы.

Выступление из Мукдена навстрѣчу неприятелю. — Вновь прибывшіе из Россіи полки проходятъ церемональнымъ маршемъ передъ генераломъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, выступая на югъ
Съ наброска корреспондента, авторитетна „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Расположились мы на привалѣ. Вмѣстѣ съ другими командирами роты я отправился, какъ обыкновенно у насъ практиковалось, къ батальонному командиру закусывать.

Только-что мы вошли, какъ батальонный ко мнѣ:

— А что же, поручикъ, вы исполнили мое приказаніе?

— Никакъ нѣтъ! Хотѣлъ послѣ.

— Почему же это? Сначала потрудитесь исполнить служебный долгъ, а потомъ милости просимъ и закусыть.

Бой у Ляояна. — Японскій отрядъ подъ перекрестнымъ огнемъ русскихъ орудій 20-го августа, у главныхъ русскихъ позицій къ западу отъ Ляояна.

Съ наброска корреспондента, авторитетна „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Коротко и ясно! Оставалось только исполнять. Вернулся я в роту, велѣлъ стать въ кругъ и позвать Петрученко! Какъ узналъ онъ—зачѣмъ, такъ чуть не выскочилъ, началъ просить прощенія. Жаль мнѣ его стало. Хорошій солдатъ. А грѣхъ съ кѣмъ не случается! Пожалѣвъ я его и велѣвъ пороть полегонку. Далъ ему вѣсколько лозь покрѣпку, а потомъ слабе. Хотѣлъ сдѣлать человѣку лучше, а вышло наоборотъ. Какъ съѣли больно, Петрученко кричалъ, а потомъ какъ „отпустили“, онъ и кричать пересталъ: не особенно больно. А батальонный то, оказалось, слушалъ издали: отъ своей палатки и по крику старался опр дѣлать, какъ съѣли солдата. Кончилась экзекуція, являюсь къ батальонному. Онъ и вида не подавъ, что слушалъ экзекуцію.

— Отпорили?

— Такъ точно!

— Теперь, милости просимъ, закушать.

Закусили мы и разошлись по своимъ ротамъ. Вдругъ батальонный въ мою роту.

— Позвать Петручко!—приказалъ онъ.

Позвали. Батальонный приказалъ ему раздѣться и завая осматривать рубцы на тѣлѣ.

Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и ко мнѣ:

— Такъ по вашему такъ надобно наказывать, поручить? а?—А самъ показывается на рубцы.

— Сколько приказано, столько и дали, г. полковникъ,—говорю я.

— Ну, такъ я покажу вамъ, какъ надобно пороть. А кромѣ того, долженъ замѣтить, что вы, поручикъ, не умеете служать и не можете командовать ротой. Я долженъ буду доложить объ этомъ по начальству... Розог!

Розги принесли. Батальонный приказалъ положить Петрученко и своа сѣчь. Норка была такая, что солдата сейчасъ же въ лаваретъ, ободрали чуть не до костей. Да-съ, вотъ какой порядокъ былъ. При такой закаткѣ съ ума не сойдешь во время сраженія... Стоять да смотреть на такую экзекуцію куда хуже боя. Подъ Сулисомъ, Ардаганомъ, Карсомъ былъ, такъ и то надуть было легче. Стрѣлять солдаты не умѣли—три боевыхъ патрона въ годъ выпускали—а порку въ совершенствѣ дали...

— Время такое было — продолжалъ себя-сбдникъ, человѣческая личность не уважалась, да солдата и не считали за личность. Теперь, если бы предложить солдату розги или судъ, то врядъ-ли бы онъ выбралъ розги, а въ наше время бывало иначе. Солдаты такъ привыкли къ розгамъ, что считали ихъ за ничто и ничего унижительнаго въ этомъ не видѣли. Въ моей ротѣ былъ одинъ солдатъ Ивановъ, георгиевскій кавалеръ, отличный солдатъ, во бунявъ страшный, какъ называется. А наивнался онъ часто. Что тутъ дѣлать? Сначала своаъ пальцы смотрѣвъ на всѣ его художества, а потомъ былъ вынужденъ подать рапортъ. Только что я собрался писать рапортъ объ Ивановѣ, является ко мнѣ фельдфебель дѣ Георгія мнѣль, заслуженный.

— Ваше высокоблагородіе, явите божескую милость, не пишите рапорта; что человѣка губить? Позвольте вамъ своимъ судомъ. Какъ рукой сниметъ всю блажь.

— Ты оумѣлъ,—говорю ему,—развѣя могу позвонить это! Меня самого подъ судъ отдадутъ. Я долженъ подать рапортъ.

— Сдѣлайте божескую милость, не губите человѣка. Онъ хороший вожака. Позвольте намъ своимъ судомъ. Право, лучше будетъ. Не могу, не могу.

Начинаетъ просить всячески. Не знаю, что и дѣлать.

— Ну, говорю: дѣлайте, какъ знаете, но только я ничего не знаю и ничего не позво-

ляю. Смотрите сами. Вы въ дѣлѣ, вы и въ отвѣтъ.

— Будьте спокойны: все обдѣлаемъ лучшимъ манеромъ. Покорнѣйше васъ благодаримъ.

Обрадованный фельдфебель выскочилъ изъ комнаты. Я нарочно вышелъ на крыльцо, чтобы понаблюдать, что будетъ дальше.

Смотрю,—фельдфебель собралъ всѣхъ георгиевскихъ кавалеровъ въ ротѣ,—а ихъ у меня было ровно тридцать два человѣка,—они взяли за руки Иванова и повели его въ одну изъ изѣбъ.

Вскорѣ оттуда послышались крики Иванова: — Господа кавалеры, господа кавалеры, не буду больше, не буду, не буду... Помилосердите, господа кавалеры...

Это я слышалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10—15 минутъ. Наконецъ, показались изъ изѣбы всѣ кавалеры вмѣстѣ съ Ивановымъ. Я ушелъ къ себѣ. Послѣ этого зову фельдфебеля и разспрашиваю, что было. Тотъ разсказалъ все подробно.

Оказывается, вся эта импровизированная „кавалерская дума“ опредѣлила выдрать своимъ судомъ Иванова. Когда они привели его въ избу, то сообщили ему рѣшеніе, послали шинель, сняли съ него георгиевскій крестъ, положили его Иванову въ головы, и начали дорать, да такъ, какъ вралъ-ли и въ ротѣхъ поролъ начальники. Сколько они ему всцали, сказать не могу, не думаю, что не меньше 200—250 розогъ. Поролъ и приговаривали, чтобы онъ не пьянствовалъ.

— Что же вы думаете, — закончилъ полковникъ,—Ивановъ точно никогда и не пилъ и не бунявилъ, какъ рукой сняло! Вотъ какъ выдѣлили. Да-съ! Въ наше время особые нравы изглады были.

И. М. Б.—сг.

Народныя легенды о русско-японской войнѣ.

Подъ вліяніемъ русско-японской войны, народъ, не имѣя средствъ удовлетворить себя вѣрными представленіемъ событій, живить иллюзіями. Попадающія въ народъ отрывочки свѣдѣній дополняются собственной фантазіей, которая, не имѣя преграды, создаетъ новые варианты, затемняя самыя факты. Не пробуйте искать источника легенды—это бесполезно и будетъ напрасно потерянныя времясъ. Авторамъ является котерій новый пересказчикъ, такъ какъ непременно введетъ въ разсказъ что-нибудь новое, свое, смотря по богатству фантазій. Приводимъ двѣ легенды, циркулирующія въ послѣднее время среди населенія Ямбургскаго узда.

„Кабы война началась на сухопутъ, совѣсь другой бы фасонъ былъ. Звали наши японцевъ воевать на сушѣ, а японцы схитрили и первый бой на водѣ сдѣлавъ: звали, что у русскихъ кораблей меньше. Только наши адмиралы не сробили и бой приняли. Одно плохо: какъ попадетъ японская бомба въ корабль, такъ дырку и сдѣлаетъ, а японцы все внизъ стрѣляютъ, сейчасъ вода въ дырку хлещетъ, корабль съ народомъ и тонетъ. Видятъ адмиралы, что дѣло выходитъ плохо, кораблей все меньше становится, да и народъ убываетъ, безъ него воевать не станешь. Собрали совѣтъ, стали разсуждать, какъ бѣдъ помочъ, три дня думали, а ничего выдумать не могли, такъ и разошлись. Только, другъ, объявился одинъ простой матросъ, что такъ устроитъ, что ни одной дырки въ кораблѣ японцу не сдѣлать, хоть годъ стрѣляй. Представили матроса къ старшему начальнику, а тотъ и говоритъ:—

„Подумай, матросъ, за что берешься; коли сдѣлаешь, какъ хвасталъ,—какую хочешь награду,—такую и дамъте, если только пообахавалися смотри, голову прочь!“ Однако, матросъ не сталъ долго думать, а потребовалъ себѣ материалу: пять тысячь пудовъ старыхъ резиновыхъ калошъ, да котловъ побольше. Распустилъ въ котлахъ резину и залилъ въ корабли внутри, да дно—на 5 четвертей, снаружи—на двѣ четверти.

Подосала резина, пошли наши въ бой. Какъ японцы ни стрѣляютъ, нашимъ кораблямъ ничего не дѣлается, бомбы отпрыгиваютъ, а наши ихъ жарятъ, да жарятъ. Испугались японцы: на утекъ пошли, со строху-то не разгядѣли, на свои же мины и взоскали, три корабля у нихъ и потонули. А наши по минамъ плаваютъ и хоть бы что, только подпрыгиваютъ: резина-то, вѣдь, не ломается, а поддается и гнется. Хотѣли было наши съ морского два японские корабли поднять, подвели подъ нихъ канаты и уже чуть на верхъ подняли, канаты не выдержали: лопнули, гнилые оказались. Матроса наградили: крестъ повѣсили и тысячь рублей дали; хотѣли въ офицеры прозвестись, самъ отказался: землю пахать нельзя.“

Вотъ вторая легенда.

„Во время одного изъ морскихъ сраженій при Портъ-Артурѣ, съ японскаго корабля стали подавать русскимъ сигналами: не стрѣлять въ насъ, своихъ бете, мы русскіе, а не японцы. Наши перестали стрѣлять, а японскій корабль подошелъ къ русскою эскадрѣ. Смотрятъ, наши—и впрямь, корабль не японскій, а „Русалка“, про которую думали, что она утонула, и матросъ русскіе. Стали спрашивать, какъ они попали къ японцамъ, только никто отвѣтъ не можетъ, рты открываютъ, а языковъ-то и нѣтъ. Нашелся одинъ грамотный матросъ, написалъ все на бумагѣ. Какъ передали бумагу, сейчасъ же „Русалка“ къ японцамъ ушла. Въ бумагѣ написано: „Слышали мы, что дома, въ Россіи, говорятъ, что мы утонули и паншиды по насъ служили, а это неправда. Насъ японцы хитростью взяли. Шли мы по морю домой, погода была худая, трудно приходилось, научились, ночей не спали. Потому море утихло, образовались и спавъ всѣ легли. Японцы этимъ и воспользовались; окружили „Русалку“ подвѣнными лодками, привязали ее къ нимъ канатами и поволокли домой къ себѣ. Дѣло было ночью, ни одной звѣзды на небѣ, темень, думали, что въ Россію идемъ, а проснулись угромо, смотримъ, въ Японіи. Только поставили насъ на якорь, подбѣжалъ старичекъ монахъ, въ черной раскѣ, поднялся на „Русалку“, собралъ насъ всѣхъ и говоритъ: „Не измѣнники вы, а несчастные люди, свое отечество проспали и къ нехристамъ угодили. Хотѣлъ васъ Господь Богъ на дно морское съ кораблемъ унести, да я умолилъ, а чтобы вы невзначай русскіе секреты не разсказали, отнимаются у всѣхъ васъ языки до тѣхъ поръ, пока русскіе не прудтъ и японцевъ въ православную вѣру не обратятъ, кораблихъ не потопятъ и васъ не освободятъ.“ Кончилъ говорить и скрылся. Въ самомъ концѣ бумага матросъ всѣ планы японскіе написалъ. Пошли наши по японскимъ планамъ и половину изъ флота потопили, а на другую пороха не хватило, все разстрѣляли. Пока въ Россію за порохомъ послали, японцы и ушли. Такъ и не пришлось „Русалку“ освободить.“

Несмотря на совѣтъ еще свѣжую могли, немало разныхъ легендъ и „сказаній“ переходятъ въ народъ: въ уста и о покойномъ С. О. Макаровѣ.

Изъ слышанныхъ нами за послѣднее время легендъ о покойномъ адмиралѣ особенно ин-

тересна одна, наглядно свидетельствующая о том, как до сих пор в простом народе крѣпка вѣра въ разныхъ „знахарей“, „провидѣть“ и прочіи „сбѣдущать“ людей, „дѣятельность“ которыхъ процвѣтала на Руси еще въ эпоху Гостомысла.

Передаемъ рассказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ намъ сообщенъ:

„И приказалъ намъ Батюшка-Царь-Осударь генералу Макарову быть самымъ наибольшимъ на Китайскомъ морѣ, супротивъ супостата-япошки.

„И далъ онъ ему сроку собираться въ дорогу всего только двадцать четыре часа.

„Но храбрый генераль Макаровъ собирался всего-на-всего четыре часа, а въ пять вышелъ изъ дому, чтобы, значить, ѣхать въ вокзалъ.

„Вдругъ подъѣхалъ къ нему извозчикъ, худой-прехудой старичекъ.

— Садись,—говоритъ онъ генералу,—скорехонько доставлю твою милость на Николаевскій вокзалъ.

— А ты почему, старикъ, знаешь, что мнѣ нужно ѣхать на вокзалъ? — спрашиваетъ генераль извозника.

— Какъ же мнѣ, батюшка, не знать, что Блѣдный-Царь-Осударь посылаетъ тебя гнатьгася съ басурманينو нехрещениымъ, япошкой.

„Немало подивился генераль, но потомъ все-таки сѣлъ въ коляску и всю дорогу шалеса доспросился у старика, откуда онъ про него все узналъ.

„Наконецъ, когда стали подъѣзжать къ вокзалу, генераль, вида, что никакого толку не добьешься отъ старика, сердито его спросилъ:

— Изъ газетъ, должно быть, вычиталъ старикъ, да и вздумалъ пустить мнѣ пыль въ глаза?

— Не, батюшка,—отвѣчаетъ извозчикъ,—гдѣ мнѣ газеты читать, потому, какъ я совсемъ не обученъ афимо рукомеслу. А что знать-то, такъ я еще и не то про тебя знаю. Такое,—что ты и самъ не знаешь.

„Генераль, думая, что старикъ выжили изъ ума, началъ его поучать, чтобы поскорѣе ѣхалъ.

„А извозчикъ опять ему отвѣчаетъ:

— Твоя милость горюшится на войну-то по пустякамъ, ничего изъ афимо не выйдетъ, потому, какъ на роду тебѣ написано получить въ скоромъ времени тяжелую кончину...

„А генераль Макаровъ слушаетъ да по-сбививается; думаетъ, и впрямь выжили старикъ изъ ума, а когда прѣехали на вокзалъ, вдругъ досталъ изъ-за пазухи большой комелекъ, набитый золотомъ, и отдалъ его извозчику.

— На,—говоритъ генераль,—зудакъ, возьми себѣ на память. Хоть и недобро ты сбѣлалъ мнѣ предсказаніе, но Вотъ милостивъ, авось, мы еще увидимся съ тобой.

„Только ты не забудь прѣехать встрѣтить меня на вокзалѣ, когда я буду возвращаться въ Петербургъ. Тогда опять такой же подарокъ получишь отъ меня.

„А извозчика въ ту же минуту и сбѣдъ про-стали.

„Генераль посмотрѣлъ кругомъ, позачалъ головой, перекрестился три раза и пошелъ въ свой вагонъ“.

Какъ умеръ Скобелевъ?

Недавнее прошлое русской дѣятельности оставило много темныхъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Судь исторіи для нихъ еще не наступила.

Русская исторія вообще поспѣшностью не отличается. Ближайше современники

пробавляются больше по части басенъ и легендъ, позднѣйшее потомство, повторяя послѣднія, сплвпитъ грустно заявить, что „для исторіи еще не настало время“...

Исторія жизни Скобелева еще не начинала писаться. Легенды и басни окулають замѣчательную личность замѣчательнаго русскаго человека, героическаго образа которого такъ близокъ и понятенъ наводному сердцу.

Смерть Скобелева окружена таинственнымъ флеромъ. Древняя богиня-истина изображалась всегда подъ покровомъ. Истина о послѣднихъ минутахъ русскаго героя скрыта подъ тмѣмъ же покрываломъ. Чуткою придонять его пытался г. В. Ягеровъ въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“.

Статья г. Ягерова многословна, блѣдна, во въ ней есть вѣрные мысли и новыя положенія, выдвинутыя на основаніи личныхъ впечатлѣній свидѣтеля послѣдняго дня жизни „Блѣлаго генерала“.

Вѣрна мысль автора, что „пора же совершить починъ, поднять ту таинственную завѣсу, которая скрываетъ истину“. И въ настоящее время немного уже осталось лицъ, дружески приближенныхъ къ Скобелеву, изъ числа бывшихъ въ Москвѣ во время его кончины; еще десять-пятнадцать лѣтъ, и чего добраго, они все могутъ отойти въ вѣчность, не успѣвъ бросить ни единаго желаннаго луча свѣта за эту скорбную завѣсу.

Вудушіи историкъ такъ и запишетъ: „О послѣднихъ минутахъ Скобелева не сохранилось никакихъ ясныхъ указаній“.

Фактъ чисто русскаго біографія о русскаихъ людяхъ.

Г. Ягеровъ вспоминаетъ день 25-го іюля 1881 года въ Москвѣ, придавленную, пасмурную, серелоточно-серьезную.

Имя Скобелева было у всѣхъ на устахъ. У гостиницы „Дюссо“ непролозанная толпа. У гостиницы „Англія“ и „Альпенроузъ“ двѣ яндармовъ.

Въ номерѣ у Дюссо лежалъ прахъ Скобелева. Въ номерѣ „Англія“, занятомъ вѣмкой Шарлоттой Альтенрозъ, разыгралась катастрофа.

По совзучію (Альтенрозъ и Альпенроузъ) фамиліи вѣмки и одной изъ гостиницъ, разъяренная толпа было ринулась къ отелю Альпенроузъ, чтобы дознаться, не сродни-ли онъ Шарлоттѣ“. Вотъ почему двѣ яндармовъ охраняли ни въ чемъ неповинную „Альпійскую Розу“.

По Москвѣ уже носились слухи объ отравѣ. Говорили, что въ пивѣ былъ ядъ, и именно,—ядъ „кураре“. Еще болѣе безобразнаго слухъ циркулировалъ въ толпѣ: „на тѣлѣ безпримѣрнаго героя оказались знаки насилья“. Имя Бисмарка повторялось въ народѣ.

Москва глухо роптала. Власти употребили все усилія успокоить народъ, увѣряя, что генерала будутъ анатомировать, и что все узнается въ свое время. Уговаривали убѣдительно, вѣжливо, ласково, чтобъ не разжечь страсть: видъ однихъ охотничьихъ (торговцевъ съ Охотнаго ряда), не предвѣщая ничего успокоительнаго. Далѣе авторъ передаетъ, со словъ коридорнаго, „который вскорѣ куда-то исчезъ“, слѣдующія подробности:

„Въ „Англія“ занимала, со двора, номеръ извѣстная тогда въ Москвѣ вѣмка Шарлотта Альтенрозъ; къ ней-то и вошелъ Скобелевъ, но—увуы! — изъ этого зомера выйти живымъ ему уже не пришлось“.

„Что происходило тамъ,—пока остается покрыто мракомъ неизвѣстности. По словамъ коридорнаго, послѣ того какъ, еще до прибытія Скобелева, въ номеръ подало было пиво и еще что-то, никто изъ прислуги туда не входилъ. Съ Шарлоттой была одна изъ ей подругъ, но находилась-ли еще тамъ кто-нибудь,—не-

извѣстно. Заспанный лакей, пропустивъ Скобелева, тотчасъ же отправился опять дремать на свое мѣсто; слышались ему точно спорившіе голоса, но гдѣ, онъ, въ дремотѣ, не обратилъ вниманія.

„Около трехъ часовъ утра его разбудила Шарлотта, одѣтая въ накидку и шляпу; она приказала позвать прикащика или буфетчика и, объяснивъ имъ, что Скобелевъ внезапно умеръ въ ея комнатѣ, велѣла позвать акипаша. Затѣмъ, взявъ съ собою ключъ отъ запертаго номера, она отправилась сбѣлать заявленіе въ полицію, приказавъ никому не подходить къ ея двери до ея возвращенія.

„Опалъшая прислуга буквально исполнила приказаніе.

„Между тмѣмъ, полиція, въ свою очередь опломбленная извѣстіемъ Шарлотты, кинулась къ оберъ-полицеймейстеру, а послѣдній немедленно довнесъ генераль-губернатору, князю Долгорукову“.

Князь распорядился тайно перевезти тѣло Скобелева, въ каретѣ въ квартиру покойнаго въ номерѣ Дюссо, но „нашлась не одна пара глазъ“, видѣвшихъ, какъ „выводили“ подъ руки уже слишкомъ безчувственное и отвердѣвшее тѣло, какъ его „улаживали“ въ каретѣ и „высаживали“ у Дюссо.

Тамъ совершенно открыты тѣла, и во второмъ офиціальному бюллетенѣ было заявлено, что Скобелевъ скончался въ своемъ номерѣ у Дюссо „отъ разрыва сердца“.

Автору удалось пробраться въ жилище смерти и онъ вспоминаетъ, что первый, кто обратилъ его вниманіе въ залъ Дюссо, былъ какой-то военный докторъ, вышедшій изъ комнаты, гдѣ происходило вскрытіе, съ блѣднымъ, гнѣвнымъ лицомъ.

— Ну, что?.. посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Скоты! мерзавцы!.. скорѣе пробурчалъ, чѣмъ отвѣтилъ врачъ и исчезъ въ другую дверь.

— Исторія, а можетъ быть и ближайшія разоблаченія когда-нибудь подробно разъяснятъ эту чудовищную драму, разягравшуюся въ гостиницѣ „Англія“.—говоритъ г. Ягеровъ,—а пока возгосъ, какъ умеръ Скобелевъ, такъ и остается въ области темныхъ вопросовъ.

Показаніе, снятое г. Ягеровымъ съ „коридорнаго“ даетъ только вѣскольго штриховъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть названо ключомъ къ запертой двери.

Легенды и были—плодъ невѣжества,—должны уступить мѣсто правдѣ. Правда, страшная для чести мелкихъ людшекъ, не страшна такимъ людямъ, какимыъ былъ Скобелевъ.

Человѣкъ онъ былъ!

Человѣкъ-герой.

Вл.

Президенты республики С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ предстоятъ выборы новаго президента республики, такъ какъ полномочія Теодора Рузвельта, принявшаго бразды правленія послѣ убійства Макъ-Кинлея, истекаютъ 4-го марта 1905 года. Если бы Рузвельтъ былъ вторично избранъ, то онъ оказался-бы десятымъ президентомъ, управившимъ судомъ сѣверо-американской республики въ течение двухъ президентскихъ періодовъ. До него такими счастливцами были: Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ, Монро, Жансонъ, Линкольнъ, Грантъ, Кливлендъ и Макъ-Кинлей. Три раза до сихъ поръ еще ни одинъ президентъ не былъ избираемъ, и только дважды въ президенты попадали род-

ственники прежнихъ президентовъ. Жанъ Адамсъ, сынъ Квинция Адамса, и Венъяминъ Гаррисонъ, внукъ Вильяма Гаррисона. Должность вице-президента также нередко открывала дорогу къ президентскому креслу. Такъ, изъ 25 президентовъ пять попали на этотъ постъ изъ вице-президентовъ, послѣ смерти на президентскомъ посту Вильяма Гаррисона, Тайлора, Линкольна, Гарфильда и Макъ-Кинлея, причѣмъ послѣдніе трое пали отъ рукъ убійцъ.

Первымъ президентомъ былъ Георгъ Вашингтонъ, бывшій дотогo главнокомандующимъ войскъ во время борьбы за независимость. Замѣститель его, Джонъ Адамсъ, долгое время былъ дипломатическимъ представителемъ республики въ Лондонѣ и Парижѣ и, затѣмъ, былъ избранъ въ вице-президенты. Третій президентъ, Томасъ Жефферсонъ, былъ душою возстанія въ борьбѣ за независимость и основателемъ демократической партіи.

Епископъ американской церкви, негръ, сэръ Робертъ Жозефъ - Морганъ,

привизившій въ Россію съ целью ознакомленія съ ея жизнью, бытомъ и религіей.
(См. статью "Посѣщеніе редакціи американскимъ епископомъ-негромъ" въ № 255 "Биржевыхъ Вѣдомостей").

Со снимка фотографіа "Бирж. Вѣдом.".

Онъ также нѣкоторое время занималъ дипломатическій постъ въ Европѣ. Затѣмъ слѣдовалъ Мадисонъ и Монрое, издавшій свою знаменитую доктрину «Америка для американцевъ». Изъ послѣдующихъ президентовъ отмѣтимъ Джемса Буханана, который заключилъ первый торговый договоръ республики съ Россіей. Съ усиленіемъ республиканской партіи власть перешла къ ея представителямъ (Линкольну и др.) Затѣмъ демократическая партія снова одержала верхъ въ 1884 году и президентомъ былъ избранъ ея представитель, Кинглендъ, который въ молодости былъ писаремъ у одного адвоката, а впоследствии вии профессоромъ государственныхъ наукъ. Послѣ него власть опять перешла къ республиканцамъ (Гаррисонъ, Макъ-Кинлей и Рузвельтъ).

Георгъ Вашингтонъ, през. съ 1789— 1797 гг. Род. 732 г., ум. 1799 г.	Жонъ Адамсъ, през. съ 1797— 1801 гг. Род. 1735 г., ум. 1826 г.	Томасъ Жефферсонъ, през. съ 1801— 1809 гг. Род. 1743 г., ум. 1826 г.	Джемсъ Мадисонъ, през. съ 1809— 1817 гг. Род. 1751 г., ум. 1836 г.	Дже. с. Монрое, през. съ 1817— 1825 гг. Род. 1778 г., ум. 1836 г.
---	--	--	--	---

Квинция Адамсъ, през. съ 1825— 1829 гг. Род. 1767 г., ум. 1848 г.	Андрей Жансонъ, през. съ 1-29— 1837 гг. Род. 1767 г., ум. 1845 г.	М. Санъ-Бурень, през. съ 1837— 1841 гг. Род. 1783 г., ум. 1862 г.	Вильямъ Гаррисонъ, през. съ 1841 г. Род. 1773 г., ум. 1841 г.	Жанъ-Тилеъ, през. съ 1841— 1845 гг. Род. 1790 г., ум. 1832 г.
---	---	---	--	---

Джемсъ Полкъ, през. съ 1845— 1849 гг. Род. 1795 г., ум. 1849 г.	Захарій Тайлоръ, през. съ 1849— 1850 гг. Род. 1784 г., ум. 1850 г.	Миллардъ Фильморъ, през. съ 1850— 1853 гг. Род. 1800 г., ум. 1874 г.	Франклинъ Пьерце, през. съ 1853— 1877 гг. Род. 1804 г., ум. 1869 г.	Джемсъ Бухананъ, през. съ 1857— 1861 гг. Род. 1791 г., ум. 1878 г.
---	--	--	---	--

Абраамъ Линкольнъ, през. съ 1861— 1865 гг. Род. 1809 г., убитъ въ 1865 г.	Анд.ей Жансонъ, през. съ 1865— 1869 гг. Род. 1808 г., ум. 1875 г.	Улиссесъ Грантъ, през. съ 1879— 1877 гг. Род. 1822 г., умер. 1885 г.	Рутсфортъ Гейсъ, през. съ 1877— 1881 гг. Род. 1823 г., ум. 1893 г.	Джемсъ Гарфильдъ, през. въ 1881 г. Род. въ 1831 г., ум. 1881 г.
---	---	--	--	--

Честеръ Артуръ, през. съ 1881— 1883 гг. Род. 1830 г., ум. 1886 г.	Гроверъ Кливлендъ, през. съ 1885—89 и съ 1893—97 гг. Род. 1837 г.	Веніаминъ Гаррисонъ, през. съ 1893— 1893 гг. ум. 1901 г.	В. Макъ-Кинлей, през. съ 1897— 1901 гг. Род. 1843 г., убитъ 1901 г.	Теодоръ Рузвельтъ, през. съ 1901 г. род. 1858 г.
---	--	---	---	--

Президенты Соединенныхъ Штатовъ.